

А. Кравченко, Ю. Яковлев

Женитьба Грибоедова

Романтические обстоятельства грибоедовской женитьбы хорошо изучены. Однако в тени остались подробности бюрократического свойства. Они драматичны и красноречивы, ибо повествуют не только об особенностях чиновного порядка, но и о характере Александра Сергеевича Грибоедова.

Полномочный министр статский советник Грибоедов прибыл в штаб-квартиру командующего Кавказской армией графа Паскевича под Ахалцихе 23 июля 1828.

Шла летняя кампания очередной русско-турецкой войны. Дипломатический фон благоприятствовал ее течению: Туркманчайский трактат должен был обеспечить нейтралитет Персии, и, назначая Грибоедова послом в Тегеран, император желал придать договору необратимый характер, дабы обезопасить армию от флангового удара. Встреча посла и главнокомандующего была необходима — для согласования дипломатических усилий с военными намерениями.

Но то была не единственная причина, по которой Грибоедов искал встречи с Паскевичем.

«Я обедал у старой моей приятельницы Ахвердовой, за столом сидел против Нины Чавчавадзевой... Все на нее глядел, задумался, сердце забилося, не знаю, беспокойства ли другого рода, по службе, или что другое, придало мне решительность необычайную, выходя из-за стола, я взял ее за руку и сказал ей: “Пойдемте со мной, мне нужно что-то сказать”. Она меня послушалась, верно, думала, что я усажу ее за фортепьяно, вышло не то... Мы вошли в комнату, щеки у меня разгорелись, дыхание занялось, я не помню, что я начал ей бормотать, и все живее и живее, она заплакала, засмеялась, я поцеловал ее... нас благословили, я повис у нее на губах, во всю ночь и весь день».

Это из письма Грибоедова Булгарину, отправленного в Петербург в те же июльские дни.

Вот еще две фразы из того же письма Булгарину:

«Не говори Родофиникину, он вообразит себе, что любовь заглушит во мне чувство других обязанностей. Вздор, я буду вдвое старательнее за себя и за нее».

Грибоедов остается дипломатом даже в письме к своему другу. В расчет следует принимать лишь вторую фразу: «Я буду вдвое старательнее». Зато первая: «Не говори Родофиникину» — это и есть сущий вздор. Трудно представить, чтобы важная перемена в жизни Грибоедова осталась неизвестна его непосредственному начальнику; им и являлся директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел К. Родофиникин. Грибоедов прекрасно понимает это и словно бы подсказывает Булгарину, какие аргументы существенны для объяснения поступка влюбленного чиновника.

В императорской России чиновник или служащий не могли вступить в брак без дозволения начальства. Жених, будь он военный или статский, должен был подавать рапорт, в коем указывал основные обстоятельства предполагаемого брака, вероисповедание невесты, чины, титулы, а иногда и имения ее родителей. После официально санкционированной свадьбы имя новобрачной и ее происхождение заносились в послужной список мужа. Тем самым поддерживался закрытый, кастовый характер бюрократической или военной структуры. Грибоедов должен был сразу после помолвки обратиться с соответствующим прошением к своему начальнику, министру иностранных дел Карлу Васильевичу Нессельроде. Столь высокий адрес определялся статусом Грибоедова — чином статского советника и должностью полномочного министра в иностранной державе.

Православная княжна из богатой семьи как невеста чиновника, разумеется, не вызвала бы возражений у Нессельроде. Но Грибоедов понимал, что его прошение из Тиф-

лиса достигнет Петербурга не ранее чем недели через три-четыре. Неделя-другая уйдет на получение резолюции министра и оформление ответа. Потом бумага будет еще месяц находиться в обратном пути от Петербурга до Тифлиса.

Свадьба откладывалась бы на конец октября или даже ноябрь. Так долго Грибоедов ждать не мог. Его дорога к месту назначения и без того уже изрядно затянулась.

Последний приезд Грибоедова в Петербург сопровождался головокружительным взлетом его карьеры. После Туркманчайского трактата он был милостиво принят государем, повышен в чине и награжден орденом. Грибоедов прекрасно понимал ключевую роль своего назначения полномочным министром в Персию в честолюбивых военных планах императора. Император распорядился спешить с отъездом; Грибоедов спешил, любая задержка его раздражала.

Его друг Булгарин доносил в III отделение:

«4 июня директор Азиатского департамента Родофиникин объявил назначенному посланником в Персию Грибоедову, что Государю угодно, чтоб он немедленно выехал к своему месту. Грибоедов назначен послом 25 апреля, а паспорта и жалование не выдавали ему до 3 июня, то есть до тех пор, пока не приказано ему выехать немедленно, даже не дождавшись кредитивной грамоты, которую обещали выслать вслед за ним, и оставив свои дела и вещи на чужие руки.

Пред своими друзьями он изъявлял крайнее беспокойство о том, чтоб Государь не подумал, будто медленность в выезде произошла от него, и с горестию жаловался на Азиатский департамент, задержавший его без нужды. “Пусть бы меня лишили за месяц жалования, следуемого мне от 25 апреля: я не сожалею этого, но что скажет Государь!” – повторял он пред своими приятелями».

Но даже при самой поспешной езде новоназначенный посол оказался в Тифлисе лишь через месяц.

И едва ли не по приезде в столицу Грузии Александр Сергеевич Грибоедов сделал предложение Нине Александровне Чавчавадзе.

Помолвку еще можно было скрыть. Но жениться вовсе без разрешения он все-таки не мог. Однако здесь помочь ему должны были дурные дороги и медлительность почтовых карет. Граф Паскевич формально не был начальником дипломата и не мог заменить Нессельроде в решении матримониального вопроса. Но по обстоятельствам военного времени...

Паскевич был женат на троюродной сестре Грибоедова. Паскевич помог ему избежать наказания при следствии по делу декабристов. Грибоедов и сейчас рассчитывал на его покровительство.

И выехал на фронт, в штаб-квартиру Паскевича под Ахалцихе.

Вообще-то просьба Грибоедова ставила Паскевича в неловкое положение: он нарушал служебную субординацию, вторгался в компетенцию чужого ведомства. Но, возможно, именно это обстоятельство решило дело. Хотя с канцлером и министром иностранных дел у Паскевича вполне доверительные отношения, стоило ему напомнить: Паскевич был полководцем-победителем и слыл царским любимцем за боевые заслуги, а не за охрану дворцовых тайн.

Паскевич дал разрешение.

Вечером 22 августа 1828 в тифлисском Сионском соборе состоялось венчание статского советника Александра Грибоедова и грузинской княжны Нины Чавчавадзе.

К концу сентября о свадьбе Грибоедова стало известно в чиновном Петербурге. Канцлер Нессельроде недоволен. Открыто ссориться с фаворитом императора Паскевичем он не решается, но все-таки — пусть о его недовольстве станет известно Паскевичу.

Опять скрипят почтовые и курьерские кареты. Это меж петербургскими гостиными слухи разносятся с быстротою ветра; в империи скорость их распространения зависит от поступи лошадей. К концу ноября петербургские слухи достигли тифлиских гостиных. Паскевич отправляет канцлеру спокойное, доверительное письмо:

«Вашему сиятельству, конечно, уже известно, что полномочный наш министр при Персидском дворе статский советник Грибоедов перед отъездом своим в Персию женился на дочери генерал-майора князя Чавчавадзе, одного из значительнейших помещиков Грузинских, не испросив на то разрешения.

Вследствие чего обязанностью поставляю уведомить ваше сиятельство, что женитьба Грибоедова совершилась некоторым образом неожиданно и, по соединившимся разным обстоятельствам, в особенности же по поспешности, с которой должно было ему выполнить Высочайшую Его Императорского Величества волю, дабы скорее прибыть в Персию, не могла быть отложена на дальнейшее время, — почему, по убедительной о сем Грибоедова просьбе, я принял на себя дать ему разрешение совершить сей брак. Почему прошу вас, буде вы изволите признать нужным, довести о сем до Высочайшего сведения Его Императорского Величества».

Возможно, в этом письме генерал повторил канцлеру доводы Грибоедова, высказанные им в ахалцихском лагере: идет война, она заставляет нарушать кое-какие гражданские установления. И уже, несомненно, от себя подчеркивает: я, Паскевич, позволил себе маленькое превышение власти для того, чтобы скорее и лучше исполнить волю государя и со всею поспешностью отправить дипломатическое представительство в Тегеран.

Нессельроде получил письмо Паскевича около середины декабря. У него была возможность разделить ответственность с генералом и считать эпизод исчерпанным. Канцлер пренебрег ею. Он донес императору о скандальной свадьбе. Николай I принял решение: считать брак Грибоедова законным.

Паскевич поспешил сообщить об этом Грибоедову:

«О вступлении Вашего Превосходительства в брак с княжною Чавчавадзе я сообщал графу Нессельроде, с пояснением причин, по коим приступили к оному, не испросив на то предварительного разрешения. Ныне канцлер уведомляет меня, от 18 декабря, что Государь Император во внимание к причинам, описанным мною, соизволил признать совершенно правильным данное мною вам разрешение на вступление в брак».

Письмо датировано 7 января 1829.

Секретарь посольства в Персии утверждал, что почта между Тифлисом и Тегераном шла раз в две недели летом, реже и дольше — зимой.

Шел, напоминаем, январь. Зима. До гибели Грибоедова оставалось 23 дня. О царском разрешении, скорее всего, он так и не узнал.